

УДК 111.84+114+003.03

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ СЛОВА «ТЕНЬ» В КОНТЕКСТЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

© Елена Валерьевна ГРУДИНИНА

кандидат филологических наук, старший преподаватель
церковно-практической кафедры
Тамбовская духовная семинария
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3
E-mail: seminaria.eparhia-tmb.ru

Представлен анализ полисемантической лексики «тень» в ключевых эпизодах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в отношении к философским категориям «добро» и «зло» в контексте православной религиозной мысли. На основе диалога Воланда и Левия Матвея на крыше высотного здания (гл. 29) можно сделать вывод: «полнос света» в романе, который олицетворяют Иешуа и Левий Матвей, на самом деле является отражением, «тенью» мира Воланда. Они призваны «запорошить глаза» маловерным и нестойким духовно людям, сделать их орудием в руках дьявола. В целом вставной сюжет о Понтии Пилате может рассматриваться как «Евангелие от Сатаны», в процессе создания которого Воланд выступает в роли заказчика и идейного вдохновителя («консультанта»), а Мастер – исполнителя. Таким образом, в булгаковском романе разворачивается театральная мистификация, в которой все роли заведомо определены Сатаной. Однако неверно ассоциировать нравственную позицию М.А. Булгакова с образом Воланда. В романе достаточно эпизодов, которые свидетельствуют, что не вся Москва покорилась власти дьявола. Так, например, Воланд и его свита не могут проникнуть за стены Девичьего монастыря. Азazelло, забравший души Мастера и Маргариты, испугался, когда кухарка собралась осенить себя Крестным знаменем. Это значит, что власть дьявола ограничена, и единственный способ избавиться от темной тени Воланда – приблизиться вплотную к Свету Божественной Истины, открыв подлинное Священное Писание.

Ключевые слова: лексема; значение; персонаж; автор; интерпретация; трактовка; содержание; тень; мир; добро; зло; свет; тьма

Эпизод романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором Воланд прощается с Москвой на крыше высотного здания (гл. 29. Судьба Мастера и Маргариты определена), является одним из самых таинственных и порождает множество трактовок. Однако обращение к лингвистическому и контекстуальному анализу ключевой лексики позволяет разгадать загадку писателя-мистификатора, так как в указанном эпизоде содержатся подходы к пониманию всего романа о дьяволе.

Ключевым словом в приведенном фрагменте является «тень», оно употребляется в главе 29 шесть раз. В толковом словаре приводятся также шесть значений слова «тень», и все они реализованы в тексте романа.

Первое (основное) значение указанной лексики – «пространство, на которое непосредственно не падают световые лучи, а также темное отражение на чем-нибудь от предмета, который освещен с противоположной стороны (*Сидеть в тени. Тень от дерева. Перен.: Этот человек – твоя тень (неотступно следует за тобой)*) [1, с. 689]).

Подобную трактовку данного слова предлагает сам Воланд, который говорит, обращаясь к Левию Матвею: «Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев или живых существ». Диакон А. Кураев отмечает любопытный факт: тень от шпаги, воткнутой в расселину крыши, представляет собой крест и должна быть опасна или, по меньшей мере, неприятна Воланду. Однако М.А. Булгаков подчеркивает в тексте: «Тень шпаги медленно и неуклонно удлинялась, подползая к черным туфлям на ногах сатаны». То есть для Воланда крестообразная тень принадлежащего ему предмета – всего лишь «солнечные часы», так как в мире сатаны отрицается Животворящий Крест как символ жертвы Иисуса Христа во имя спасения человечества.

В этом смысле сам Левий Матвей является лишь персонажем романа о Понтии Пилате, а значит, он по сути своей тень автора этого произведения. Кроме того, являясь незадачливым учеником Иешуа Га-Ноцри, Ле-

вий Матвей не сумел ни спасти своего учителя от страшной казни, ни толком изложить на пергаменте его учение. В довершение всего, осознавая свою беспомощность, он открыто хулит Бога и отрекается от веры (гл. 16. Казнь). Таким образом, Левий Матвей, который позиционирует себя сторонником «света», на самом деле является богоборцем, последователем Сатаны, а значит его тенью.

Возникает закономерный вопрос: почему герой романа, написанного Мастером, является к Воланду и просит его от имени Иешуа устроить судьбу Мастера и Маргариты? И как богохульник и вероотступник может быть учеником человека, проповедующего добро, являющегося, по мнению многих литературоведов, нравственным идеалом М.А. Булгакова?

Данный алогизм довольно легко разрешить. Иешуа Га-Ноцри, герой романа о Понтии Пилате, безусловно, написанного Мастером по внушению Сатаны, проповедует идею, прямо противоположную учению Иисуса Христа. Он называет всех людей без разбора «добрым человеком» и рассказывает на базаре о наступлении «царства истины», хотя не может даже в общих чертах сформулировать, в чем эта «истина» заключается. Он говорит прокуратору, что верит в Единого Бога, но при этом не заходит в храм и не молится. Подобное поведение характерно для демонических сил, которые не могут отрицать существования Бога, однако сознательно отказываются служить Ему. Так, в сцене допроса у Понтия Пилата (гл. 2. Понтий Пилат) Иешуа лукаво уходит от прямого вопроса прокуратора: «Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывал про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?» Он отвечает: «Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти...». И далее бродячий философ виртуозно демонстрирует свои способности в чтении мыслей и исцелении.

Безусловно, Прокуратор, будучи язычником и человеком, далеким от истинной веры, впечатлен способностями Иешуа, избавившего его от мучительной мигрени. Он даже готов уже оправдать заключенного, хотя впоследствии под влиянием страха за свою карьеру выносит ему смертный пригово-

вор, одновременно обрекая себя на вечные муки совести.

Данная сцена в романе о Понтии Пилате параллельна и тождественна эпизоду из главы 1, когда Воланд вступает в беседу с литераторами Берлиозом и Бездомным. Сначала Сатана вежливо расспрашивает писателей на предмет их отношения к Богу и личности Иисуса Христа, а затем, поняв, что эти люди полностью в его власти, впечатляет их своими способностями знать далекое прошлое и предсказывать будущее, тем самым разрушая их жизнь, толкая на необъяснимые поступки. Не случайно историю Понтия Пилата, изложенную в романе Мастера, мы впервые слышим именно из уст самого Воланда.

А уже позже в психиатрической клинике Мастер, услышавший этот рассказ из уст Иванушки Бездомного, «молитвенно сложил руки и прошептал: «О, как я угадал! Как я все угадал!» (гл. 13. Явление героя). Абсолютно очевидно, что молитва Мастера обращена к Сатане, ведь он сам признает себя его адептом. Да и дальнейшие речи Мастера убеждают в этом. «Описание ужасной смерти Берлиоза слушающий сопровождал загадочным замечанием, причем глаза его вспыхнули злобой: «Об одном жалею, что на месте этого Берлиоза не было критика Латунского или литератора Мстислава Лавровича». Здесь автор совершенно четко подчеркивает, что мировоззрение Мастера прямо противоположно Заповедям Христовым: вместо Бога он поклоняется дьяволу, презирает ближнего (достаточно вспомнить его высокомерно-покровительственный тон в отношении Ивана Бездомного, отсутствие родственных и дружеских связей) и ненавидит врагов, желает им смерти.

Соавторство Воланда и Мастера в работе над романом о Понтии Пилате становится совершенно очевидным, если принять во внимание обстоятельства, при которых у Мастера возник этот замысел. Будучи рядовым музейным работником, он вдруг получает облигацию, по которой неожиданно выигрывает баснословную для советского человека сумму – сто тысяч рублей. Сам Мастер так рассказывает об этом событии: «Вообразите мое изумление, когда я сунул руку в корзину с грязным бельем и смотрю: на ней тот же номер, что и в газете» (гл. 13. Явление героя). В данном контексте «грязное белье» –

прямой намек на «нечистую силу», служение которой противоположно ритуальной чистоте богослужения. Наконец, о своем знакомстве с Воландом Мастер открыто заявляет, когда убеждает Бездомного, что таинственный иностранный консультант с Патриарших прудов не кто иной, как Сатана. Именно Мастер в разговоре первым произносит имя «Воланд», которое Иван Бездомный никак не мог вспомнить.

Таким образом, в процессе создания «Евангелия от Сатаны» Воланд выступает в роли заказчика и идейного вдохновителя («консультанта»), а Мастер – исполнителя. Н.К. Гаврюшин отмечает, что в романе М.А. Булгакова явно просматриваются аналогии с сатанинской антилитургией, «черной мессой» [2, с. 46]. Ужасающая сцена на «великом балу», когда Воланд и Маргарита пьют человеческую кровь из черепа Берлиоза, является перверсией Святого Причастия. А рукопись романа о Понтии Пилате и Иешуа, почти сожженная Мастером, заменяет для Воланда Евангелие.

Что же касается так называемого «полюса света» в романе, который олицетворяют Иешуа и Левий Матвей, то он на самом деле является отражением, «тенью» мира Воланда. Своим лжеучением они призваны «запорошить глаза» маловерным и нестойким духовно людям, сделать их орудием в руках дьявола. Сам же Воланд криво усмехается в ответ на строптивное замечание Левия Матвея: «Я не хочу, чтобы ты здоровствовал». Это тоже своеобразный бунт творения против творца, слабая «тень» восстания сатаны против Бога.

В главе 29 реализуются и другие значения слова «тень». Например, «неотчетливое очертание человеческой фигуры, силуэт (*У крыльца мелькнула чья-то тень*)» [1, с. 689]. Данное значение просматривается в момент появления Левия Матвея перед Воландом: он выходит из-за колонны как неопределенный силуэт, то есть, буквально, «тень».

Третье (переносное) значение слова «тень»: «отражение какого-нибудь внутреннего состояния в движениях лица (*Пробежала тень неудовольствия. Тень сомнения*)» [1, с. 689]. Тень внутреннего настроения постоянно изображается М.А. Булгаковым на лице Левия Матвея: «исподлобья недружелюбно глядя на Воланда», «все более озлобляясь», а

далее – «печальным голосом проговорил», «в первый раз моляще обратился к Воланду». Переменчивость в поведении и речах Левия Матвея подчеркивает отсутствие у него нравственного стержня, бессилие перед лицом зла. Именно таким слабым, уязвимым, подчиненным хотел бы видеть Сатана Иисуса Христа и его последователей. Примечательно, что в сцене допроса у Понтия Пилата (гл. 2. Понтий Пилат) Иешуа тоже унижается до просьбы: «А ты бы меня отпустил, игемон, – неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен, – я вижу, что меня хотят убить».

Четвертое значение слова «тень»: «призрак, как бы остаток чего-нибудь (книж.) (*Тени прошлого*)» [1, с. 689]. Данное значение в равной степени может быть отнесено к Воланду и его свите, которые появляются и исчезают, как призраки, а также к Левию Матвею, Иешуа, Понтию Пилату, которые являются призраками реальных персонажей Евангельской истории, причудливо искаженными волей Сатаны.

Пятое значение понятия «тень»: «малейший признак, малейшая доля чего-нибудь (*Нет ни тени сомнения*)». Воланд раздражен появлением и дерзкими словами Левия Матвея, так как считает его лишь малой частью, ничтожной долей подчиненного ему воображаемого мира. Ведь в романе Воланда и Мастера нет Бога Отца Вседержителя (а есть «злой и жестокий бог»), нет Спасителя Иисуса Христа и распятия (Иешуа повешен на столбе, а не распят!), а главное – нет Воскресения Спасителя, нет благодати Святого Духа, а «добрые люди» подчинены силам зла, то есть Сатане. Поэтому, с точки зрения Воланда, слова и поведение Левия Матвея глупы.

Наконец, шестой смысловой пласт слова «тень» означает «подозрение в чем-нибудь (*Бросить тень на кого-нибудь. Наводить тень на ясный день (разг.)* – намеренно вносить неясность в дело, стараясь сбить с толку)». В общем смысле само имя Сатана означает «клеветник», так как сущность его бунта состояла в принижении Бога и самовозвышении. В контексте романа данное значение реализуется и в стремлении Воланда свести к абсурду слова Левия Матвея (гл. 29. Судьба Мастера и Маргариты определена). Сатана приписывает Левию мысль, которую тот не высказывал: «Ты произнес свои слова так,

как будто не признаешь теней, а также зла...». За этим следует длинная сентенция о неотделимости добра от зла, которая, по сути, является лукавством.

М.М. Дунаев считает, что «идея Воланда уравнивается в философии романа с идеей Христа», то есть сам автор является если не адептом дьявола, то, по крайней мере, дуалистом. Он усматривает в романе М.А. Булгакова «страннейший парадокс: несмотря на все разговоры о зле, Сатана действует скорее вопреки собственной природе. Воланд здесь – безусловный гарант справедливости, творец добра, праведный судия для людей, чем и привлекает горячее сочувствие читателя. Воланд – самый обаятельный персонаж романа, гораздо более симпатичный, чем малохоленный Иешуа» [3].

На наш взгляд, с данным выводом нельзя согласиться. Во-первых, обаяние Воланда весьма спорно: начиная общение с человеком, он, действительно, вежлив и деликатен, но «блага», подаренные дьяволом, никогда не бывают безвозмездны. Расплата настигает жертву весьма быстро (Берлиоз лишается головы, Никанор Иванович Босой арестован, Степа Лиходеев перенесен в Ялту, зрители Варьете быстро лишились подаренной Сатаной одежды и червонцев и т. д.). Дьявольская природа показана М.А. Булгаковым очень тонко: каждый «подарок» Воланда обязательно требует мзды, таковы условия договора с дьяволом. Чудеса, которые творит Воланд и его свита, – лишь мистификация, фокус, в основе которого обман, презрение и ненависть к человеку. Лишь Господь из любви к своему творению способен безвозмездно посылать благодать. Следовательно, «правдивость» Воланда в романе изначально мыслилась автором как искаженная Божественная справедливость. Что же касается обаяния, которое излучает образ Воланда, то данное качество весьма часто бывает свойственно людям жестоким, горделивым и самоуверенным. Зло подчас оказывается более приятным и желанным для большинства людей, чем добро, ибо узка дорога и тесны врата, ведущие к Богу.

Таким образом, в тексте романа реализуется еще одна философская трактовка слова «тьма» – «зло». Именно такое значение придает данному слову Левий Матвей, явившись перед Воландом на крыше: «Я к тебе, дух зла

и повелитель теней». Антонимом данному слову выступает «свет», то есть «добро». При этом «свет» в трактовке Воланда получает определение «голый», хотя в народно-поэтической и литературной традиции к свету применяются иные эпитеты: «белый», «ясный», «чистый».

«Голый свет» в контексте речи Воланда означает «данный сам по себе, без добавления, без прикрас (*Голая истина, голые цифры*)» [1, с. 118]. Следовательно, главный мировоззренческий вопрос Сатаны, обращенный к Левии Матвею: «Что бы делало *твое* добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?» Отвечая на этот вопрос, философы и литературоведы обычно переводят его смысл в плоскость вечного диалектического принципа единства и борьбы противоположностей. Однако, на наш взгляд, в контексте романа подобное расширение излишне. Ведь разговор ведут «творец» (Воланд) и его «творение» (Левий Матвей). Поэтому выражение «*твое добро*» в отношении Левия Матвея призвано напомнить ему, что пространство «света – добра», отведенного в мире дьявола для Иешуа и его ученика, весьма ограничено и подконтрольно Воланду. По сути, «*твое добро*» означает сведение «белого света, Божьего света» к узкому лунному лучу, к световой дорожке, на которой встретились Иешуа и Понтий Пилат.

Исчерпывающий ответ на сентенцию Воланда дает А. Кураев: «Добро первично и самодостаточно. С онтологической точки зрения оно имеет опору в Боге, а не в Сатане. С гносеологической же точки зрения добро обладает достаточной силой убедительности для человеческой совести, чтобы не нуждаться в помощи и рекомендациях зла. «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1,5). Бог не нуждается в «теньях», расставляемых сатаной – Он Сам может ограничивать Свои проявления в мире и умерять их так, чтобы для людей они были востребованы» [4, с. 31].

Удивительной особенностью сюжета романа М.А. Булгакова является тот факт, что персонажи, созданные Мастером, не просто выходят в мир, но и вступают во взаимодействие. Левий Матвей, как и его учитель Иешуа Га-Ноцри, признают господство Воланда, поэтому сами не могут решить судьбу Мастера и Маргариты. Иешуа лишь выносит

Мастеру свой вердикт: «Он не заслужил света, он заслужил покой». Но реализовать свою волю он не способен, поэтому и посылает своего незадачливого ученика к Воланду с просьбой принять в царство тьмы очередную тень и, по возможности, облегчить его участь.

В этом смысле слово «покой» выступает также антонимом «света», так как в духовном мире отсутствуют полутона: все, что не свет, то – тьма. Путь к свету, пусть даже отраженному, лунному, для Мастера и Маргариты закрыт. Воланд не пускает их по лунной дорожке вслед за Иешуа и Понтием Пилатом. Вина Мастера и Маргариты слишком велика: они не просто грешники или заблудшие души, они сознательно избирают путь служения дьяволу. Так, Мастер в разговоре с Иваном Бездомным (гл. 13. Явление героя) прямо заявляет: «У меня больше нет фамилии, я отказался от нее, как и вообще от всего в жизни». «Ах, Ах! Но до чего же мне досадно, что встретились с ним (*Воландом*) Вы, а не я...». Маргарита же, в свою очередь, тоже осознанно идет на службу к дьяволу и нисколько не раскаивается. После бала Сатаны в подвальчике Мастера она восклицает: «Как я счастлива, как я счастлива, как я счастлива, что вступила с ним в сделку! О, дьявол, дьявол! ...Я ведьма и очень этим довольна» (гл. 30. Пора! Пора!). Таким образом, главные герои романа «Мастер и Маргарита», не способные отличать добро от зла, никоим образом не могут быть отнесены к категории положительных персонажей.

Не случайно в потустороннем мире Воланда стала возможна и встреча Мастера с героем его романа Понтием Пилатом. Встреча Понтия Пилата и Иешуа на лунной дорожке происходит также по воле Воланда (гл. 32. Прощание и вечный приют), так как он буквально приказывает Мастеру, уже полностью находящемуся в его власти, ставшему его тенью: «Ну что же, теперь свой роман вы можете кончить одной фразой!» И Мастер произносит слово, которое звучит как горькая насмешка над собой: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!». Показательно, что «свобода» его героя Понтия Пилата тоже фиктивна. Он устремляется по лунной дорожке навстречу Иешуа, иного пути у него просто нет.

Однако важно помнить, что мир дьявола – это мир перверсий и лжи. Добро здесь является лишь тенью зла. Поэтому Иешуа, встретившись со своим антагонистом Понтием Пилатом, тешит его ложным уверением, что «этой пошлой казни не было», что «ему померещилось». В ответ Понтий Пилат облегченно вздыхает: «Больше мне ничего не нужно...» В данной сцене наиболее рельефно проступает содержание «добра» и «света» в интерпретации Воланда. «Истина», проповедуемая Иешуа, есть ложь, а ложь – важнейшее орудие дьявола. Следовательно, в романе «Мастер и Маргарита» главным героем является дьявол, тени которого накрыли мир («Тьма накрыла Ершалаим...»).

Следует помнить, что образ Иешуа Ганноцри, столь очевидно непохожий на Спасителя, еще в первой главе романа (Гл. 1. Никогда не разговаривайте с неизвестными) подается Сатаной как реальный Иисус Христос. Воланд, предваряя повествование о Пилате, уверяет Бездомного и Берлиоза: «Имейте в виду, что Иисус существовал» [3]. Однако не стоит обольщаться, что Сатана заинтересован в проповеди Божьей правды. Пользуясь атеистическим мировоззрением собеседников, Воланд стремится навязать им «своего Христа». Ведь многие образованные люди подвергаются искушению пойти своим путем в постижении законов бытия. Не избег подобного искушения и сам М.А. Булгаков.

Опираясь на традиции советской критики, В.Я. Лакшин отмечает: «Вольнодумство, свободный ум соединялись в нем (М.А. Булгакове) с твердой верой в справедливость и добро – гуманистический эквивалент христианства... В прекрасной человеческой правде Иешуа не нашлось места для наказания зла, для идеи возмездия, и оттого ему так нужен Воланд, изъятый из привычной ему стихии разрушения и зла и как бы получивший взамен от сил добра в свои руки меч карающий» [5, с. 242]. В данном рассуждении критик допускает столь типичное для людей, отклонившихся от веры в Бога, заблуждение. Во-первых, он уверен, что человек (в данном случае автор романа) способен самостоятельно устанавливать для себя критерии добра и справедливости и даже активно пропагандировать их посредством своего творчества. Во-вторых, он стирает границы добра и зла, света и тьмы, что является излюбленным

приемом бесовских сил («Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла»). Опасность и гибельность такого смешения М.А. Булгакову было суждено испытать в полной мере.

Пройдя через горнило атеистического мрака, писатель, по свидетельству его супруги Е. Булгаковой, в последние годы жизни страдая от тяжелого недуга, осознал глубину своих заблуждений. Именно поэтому он поставил целью показать в своем романе силу и изощренность дьявола, чтобы у читателя возникло закономерное стремление освободиться от мрака при помощи света Евангельской Истины.

Так каково же отношение М.А. Булгакова к главному герою своего романа – к Воланду? Совершенно очевидно, что, несмотря на всю эксцентрическую привлекательность данного персонажа, он далеко не является авторским идеалом. Нет ни одного эпизода в романе, где автор выразил бы уважение или одобрение этому герою. Напротив, в ремарках и характеристиках писателя чувствуется ирония.

П.В. Палиевский абсолютно точно отмечает: «...Он (автор) посмеивается и над дьяволом. Станный для серьезной литературы XX века поворот, где дьявола привыкли уважать. У М.А. Булгакова что-то совсем не то. Он смеется над силами разложения, вполне невинно, но чрезвычайно для них опасно, потому что мимоходом разгадывает их принцип...

Нигде не прикоснулся Воланд, булгаковский князь тьмы, к тому, кто сознает честь, живет ею и наступает. Но он немедленно просачивается туда, где ему оставлена щель, где отступили, распались и вообразили, что спрятались...

Работа его разрушительна – но только среди совершившегося уже распада. Без этого условия его просто нет; он является повсюду, как замечают за ним, без тени, но это потому, что он сам только тень, набирающая силу там, где не достало сил добра, где честь не нашла себе должного хода, не сообразила, сбилась или позволила потянуть себя не туда, где – чувствовала – будет правда. Конечно, и источник авторского спокойствия отсюда. Он тоже издалека – соединен с началами, которых разложению не достать. Роман наполнен этим настроением, которое не выго-

варивается прямо, но дает ему весь его внутренний разбег» [6, с. 190-195].

Действительно, в романе М.А. Булгакова достаточно эпизодов, через которые к читателю проливается луч Истинного Света. Не вся Москва покорила власти Воланда. Так, например, автор дважды описывает купола и кресты Девичьего монастыря, где, безусловно, возносятся усердные молитвы за всех, в том числе и заблудших овец стада Христова.

В главе 30 «Пора! Пора!» есть эпизод, когда Азazelло, забравший души Мастера и Маргариты, выводит их во дворик, где уже ожидают адские черные кони. Случайной свидетельницей этой страшной сцены становится кухарка, которая собралась осенить себя Крестным Знамением. Однако Азazelло резко остановил ее гневным окриком: «Отрежу руку!». Женщина не осмелилась перекреститься, и вся адская компания благополучно удалилась. Однако наблюдательного читателя, безусловно, должен заинтересовать сам факт: нечистая сила, столь искусно маскирующаяся под хозяев мира, боится Животворящего Креста. А это значит, что власть Воланда ограничена, что существует Евангелие Правды, открывающее нам истинный Свет Христов. Вряд ли такой опытный писатель, как М.А. Булгаков, случайно включил в свой роман подобные детали. Нет сомнений, что, даже находясь в тени собственных заблуждений, автор сохранил ясное представление об Истинном Свете.

Итак, образ Воланда, главного героя романа М.А. Булгакова, в полной мере раскрывается путем контекстного анализа ключевой лексемы, использованной для его характеристики – «повелитель теней». Чем дальше от нас источник истинного Света, тем длиннее и причудливее становятся наши тени, тем больше пороков поражают наши души. Единственный способ избавиться от темной тени Воланда – приблизиться вплотную к Свету Божественной Истины, открыв подлинное Священное Писание.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1986.
2. Гаврюшин Н.К. Литостротон, или Мастер без Маргариты // Символ. 1990. № 23.
3. Дунаев М.М. Анализ романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». URL: palomnic.org/

bibl_lit/obzor/bulg/dunaev (дата обращения: 10.08.2016).

4. Кураев А. «Мастер и Маргарита»: За Христа или против? URL: ModernLib.ru. (дата обращения: 10.08.2016).
5. Лакишин В.Я. Пути журнальные. М., 1990.
6. Палиевский П.В. Пути реализма. М.: Современник, 1974.

References

1. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language], ed. N.Yu. Shvedova. Moscow, Russian Language Publ., 1986. (In Russian).
2. Gavryushin N.K. Litostroton, ili Master bez Margarity [Litostroton, or Master without Mar-

gareth]. *Simvol* [Sign], 1990, no. 23. (In Russian).

3. Dunaev M.M. *Analiz romana M. Bulgakova «Master i Margarita»* [Analysis of work by M. Bulgakov "Master and Margareth"]. Available at: palomnic.org/bibl_lit/obzor/bulg/dunaev (accessed 10.08.2016).
4. Kuraev A. «Master i Margarita»: Za Khrista ili protiv? ["Master and Margareth": For Christus or against?]. Available at: ModernLib.ru (accessed 10.08.2016).
5. Lakshin V.Ya. *Puti zhurnal'nye* [Journal ways]. Moscow, 1990. (In Russian).
6. Palievskiy P.V. *Puti realizma* [Ways of realism]. Moscow, Sovremennik Publ., 1974. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.10.2016 г.
Received 25 October 2016

UDC 111.84+114+003.03

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF WORD SEMANTICS "SHADE" IN THE CONTEXT OF NOVEL BY M.A. BULGAKOV "THE MASTER AND MARGARITA"

Elena Valeryevna GRUDININA

Candidate of Philology, Senior Lecturer of Ecclesial-Practical Department

Tambov Seminary

3 M. Gorky St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: seminaria.eparhia-tmb.ru

The analysis of polysemantic lexical unit "shade" in key episodes of the novel by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita" concerning philosophical categories "good" and "evil" in the context of Orthodox religious thoughts is presented. Basing on the dialogue of Woland and Levi Matvei on the roof of high-rise building (chapter 29) it can be concluded that "the light pole" in the novel, personified by Yeshua and Levi Matvei is the reflection, "shade" of Woland. They are urged to "powder the eyes" to people lacking faith and spiritually unstable people, make them the instrument of the devil. In general, insert plot about Pontius Pilate can be considered as "Gospel According to Satan", in the process of creation Woland plays the role of patron and ideal encourager ("consultant"), and Master is the effector. Thus, in the novel by M.A. Bulgakov we see the theatrics pseudograph, where all roles are distributed by Satan. But the idea of association of the moral position of M.A. Bulgakov with the image of Woland is wrong. There are a lot of episodes in the novel which are the evidence of Moscow not being under total control of the devil. Thus, for example, Woland and his people cannot go over the walls of the nunnery. Azazello, who has taken the souls of the Master and Margarita was afraid of the kitchen maid blessing herself by the sign of cross. That means that the power of the devil is limited and the only way of getting rid of the power of Woland is to reach the Light of God's Truth, revealing the original Scripture.

Key words: lexical unit; meaning; character; author; interpretation; handling; content; shade; world; good; evil; light; darkness

Информация для цитирования:

Грудини́на Е.В. Философские аспекты семантики слова «тень» в контексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки. Тамбов, 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 61-67.

Grudinina E.V. Filosofskie aspekty semantiki slova «ten'» v kontekste romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita» [Philosophical aspects of word semantics "shade" in the context of novel by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Obshchestvennyye nauki – Tambov University Review. Series: Social Sciences*, 2016, vol. 2, no. 4 (8), pp. 61-67. (In Russian).